

КУЛЬТУРНАЯ СИМВОЛИКА ОБРАЗА ЗМЕИ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Е.М. Болдырева

*Юго-Западный университет, Чунцин, Китайская Народная Республика;
e71tih@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена анализу символического потенциала образа змеи в китайской и русской поэзии. Змея рассматривается как семиотический код во многих мировых культурах, один из важнейших зооморфных архетипов, позволяющих исследовать как закономерности исторического и культурного развития, так и уникальную специфику индивидуально-авторских художественных миров. На примере произведений китайских и русских поэтов разных эпох (Ли Бо, Мао Цзэдун, Ай Цин, Лу Бэньчжун, Юань Чжэнь, Лю Баньнун, Дин Вэй, Ли Шен, Сюй Чжимо, Чжу Сян, Ван Фаньчжи, Бунин, Бальмонт, Брюсов, Сологуб, Мандельштам, Гиппиус, Кузмин, Цветаева, Эллис, А.К. Толстой, Заболоцкий, Мартынов, Ахмадулина) анализируются различные вариации актуализации архетипических значений образа змеи в зависимости от этнокультурных и цивилизационных факторов, а также когнитивной памяти авторов; выявляются как универсальные символические коннотации образа змеи, изоморфные для русской и китайской культуры (змея как символ зла и смертоносности, красоты и искусства, легендарно-мифологической древности, подлинной мудрости и высшего знания, материальный эквивалент человеческой души), так и различия принципов художественной репрезентации образа змеи в двух разных культурах: в китайской поэзии змея предстает как конкретный физический объект, актуализирующий значимые для национального менталитета и связанные с древнейшими мифологическими представлениями китайцев качества и смыслы, в русской поэзии конкретность и реалистичность в изображении змеи утрачивается, а змея становится авторской метафорой, аккумулирующей в себе множество символических значений, важным компонентом индивидуально-авторских мифов, встроенным в сложную систему автореминисценций и обретающим статус интертекстуального рефрена, контрапункта основных мотивных линий и семантических тенденций.

Ключевые слова: символ; мифология; зооморфный архетип; образ змеи; аллегория; культурная парадигма; русская лирика; китайская лирика; лирический герой

Финансирование: Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета Китайской Народной Республики при Министерстве образования КНР.

Для цитирования: Болдырева Е.М. Культурная символика образа змеи в русской и китайской поэзии // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 2. С. 112–128.

CULTURAL SYMBOLISM OF THE SNAKE IMAGE IN RUSSIAN AND CHINESE POETRY

Elena M. Boldyreva

Southwest University, Chongqing, China; e71mih@mail.ru

Abstract: This article analyzes the symbolic potential of the snake image in Chinese and Russian poetry. The snake is examined as a semiotic code in numerous world cultures and as a key zoomorphic archetype that allows us to explore the patterns of historical and cultural development, as well as the unique specificities of individual artistic worlds. Through the works of Chinese and Russian poets from different eras (Li Bo, Mao Zedong, Ai Qing, Lu Benzong, Yuan Zhen, Liu Bannong, Ding Wei, Li Shen, Xu Zhimo, Zhu Xiang, Wang Fanzhi, Bunin, Balmont, Bryusov, Sologub, Mandelstam, Gippius, Kuzmin, Tsvetaeva, Ellis, A.K. Tolstoy, Zabolotsky, Martynov, Akhmadulina), the study analyzes various ways in which archetypal meanings of the snake image are actualized, depending on ethno-cultural and civilizational factors, as well as the cognitive memory of the authors. It identifies both universal symbolic connotations of the snake image that are isomorphic for Russian and Chinese culture (snake as a symbol of evil and mortality, beauty and art, legendary and mythological antiquity, authentic wisdom and higher knowledge, and the material equivalent of the human soul) and the differences in the principles of artistic representation of the snake image in two different cultures. In Chinese poetry, the snake appears as a concrete physical object, actualizing qualities and meanings significant to the national mentality and associated with the most ancient mythological representations of the Chinese people. In Russian poetry, the concreteness and realism in the depiction of the snake are lost, and the snake becomes an authorial metaphor, accumulating a multitude of symbolic meanings, an important component of individual authorial myths, integrated into a complex system of self-reflections, and acquiring the status of an intertextual refrain and counterpoint to the main motivic lines and semantic tendencies.

Keywords: symbol; mythology; zoomorphic archetype; snake image; allegory; cultural paradigm; Russian lyrics poetry; Chinese lyrics poetry; lyrical hero

Funding: The article was prepared within the framework of the activities of the Center for the Study of Russian-speaking Countries of the Southwestern University of the People's Republic of China under the Ministry of Education of the People's Republic of China.

For citation: Boldyreva E.M. (2026) Cultural Symbolism of the Snake Image in Russian and Chinese Poetry. *Lomonosov Philology Journal*, no. 2, pp. 112–128.

«Змея, проползла ты сквозь сердце мое, никогда не вылечусь от этого» (Горький), «О варвары, тигры, змеи лютые, грызите сие сердце, пускайте в него томный ваш яд» (Радищев), «Змея! Змея! Недаром я дрожал. Она меня чуть-чуть не погубила» (Пушкин), «Я теперь не женщина, я змея! И я его больно ужалю» (Островский), «Имеет ли его взгляд свойство гремучей змеи — останавливать кровь в жилах» (Герцен), — галерея змей в мировой литературе неисчерпаема: она персонаж и древней китайской «Легенды о Белой змейке», и новелл Пу Сунлина, и повести современного автора Чжан Сюэдуна «Поцелуй змеи», и основа аллегорического подтекста многих сказок европейских авторов («Белая змея» братьев Гримм, золотая змейка из сказки Гофмана «Золотой горшок»), змея из сказки Сент-Экзюпери «Маленький принц»), и часто встречающийся образ в прозе русских писателей XX века («Волшебное кольцо» Шергина, «Голубая змейка» Бажова и др.), и символическая основа текстов современной литературы («Змея» А. Сапковского).

Змея — это амбивалентный символ, воплощающий зло и благо одновременно, она эмблема зла, коварства, лжи, разрушительной силы — и сохранения тайн бытия; символ страсти и мудрости, яда — и исцеляющих сил; смерти, уничтожения — и бессмертия, способности к перерождению и воскресению, это олицетворение и мужского и женского, и лунного и солнечного начала, воплощение противоположных стихий огня и воды, низшее земное существо и тварь Божия, а также символ Высшего мира. Практически во всех мировых культурах змея является одним из важнейших зооморфных архетипов. Мы будем анализировать различные вариации актуализации архетипических значений образа змеи в русской и китайской поэзии с целью выявить многозначность образа змеи в зависимости от этнокультурных и цивилизационных факторов, а также когнитивной памяти авторов.

**«Эй, берегись! Я вся — змея!»:
змея как символ смертоносного зла**

Самый очевидный семантический ореол образа змеи определяется его традиционной коннотацией, укорененной в мифах, легендах и преданиях: змея символизирует угрозу, ядовитость, смертоносность. Мотив обмана и коварства, связанных со змеей, эксплицируется во многочисленных баснях, так, у Крылова змея просит Юпитера даровать ей соловьиный голос, но, несмотря на замену «гносного шипенья» звучными и дивными трелями, птицы в ужасе разлетаются от страшного певца. Аналогичная сюжетная ситуация лицемерного обмана встречается в китайской басне «Добрая змея», где Змея собирается съесть воробья, при этом нежно уговаривая его

покориться судьбе и лицемерно заявляя, что она непохожа на остальных змей, грубых и бесцеремонных, называя свою жертву «мой сладкий Воробушек».

В китайской поэзии много произведений, где змея представлена в своей угрожающей, страшной и ядовитой ипостаси. Так, Лу Бэньчжун из династии Сун писал: «Над холмами клубились облака, здания, казалось, вращались, словно мельницы на ветру, а всевозможные ядовитые твари, воспользовавшись мрачной погодой, выползали на улицу и праздновали друг с другом. Во дворе каждую ночь скапливаются змеи, а я сижу в хижине больной, и печаль почти разрывает мне сердце» [吕本中 2024] (*здесь и далее перевод мой — Е.Б.*). Змея соотнесена с такими устойчивыми мотивами, как клубящийся густой туман, пронизывающий ветер, закручивающий в безумном змеином танце здания и хижины, мрачная ночь. Устойчивый мотив размножающихся змей, вызывающих панический ужас, встречается и в стихотворении Юань Чжэня «Змея» [元稹 2016]. Поэт вспоминает древнюю легенду, где показана история двух эпох: в первой строке рассказывается об императоре династии Хань, который обезглавил змею своим мечом, во второй строке описывается размножение питонов после сожжения меча в династии Цзинь, в третьей строке говорится о повсеместном распространении питонов, которые могут покрывать дороги в дневное время, окутывая все реки и ручьи «ядовитым дымом», и обретает кульминацию мотив быстрого размножения змей и их поразительной выживаемости в любых условиях. Форсированная гиперболизация в описании змей, внушающих страх, есть в стихотворении Лю Баньнуна «Голод», где лирический герой, сидящий в безмолвном унынии у дверей дома, смотрит на вершину разрушенной башни с обломанными корнями кустарника и высохшей травой и вспоминает, как в детстве ему говорили: «В этой разрушенной башне живет змея, у нее голова величиной с ведро!» “Ух! Страшно!” — думает он». [В поисках звезды заветной 1988: 78]. Змея как губительное зло есть у Ли Бо в «Трудной дороге в Шу»: «Избегайте тигров утром и змей вечером; Они скрежещут зубами и сосут кровь» [李白 2024], где змеи являются подобием свирепых тигров, они останавливают на пути и убивают множество людей. В стихотворении «Змея» Дин Вэя гиперболизация змеи уже приобретает легендарное измерение: несмотря на свои небольшие размеры, змея, по преданию, способна проглотить огромных слонов, и «тело змеи настолько длинное, что она способна опоясать гору Куньлунь» [丁谓 2024]. Стихотворение Юань Чжэня «Змея» — о самой ядовитой змее из тысячи видов других змей, которая «выплевывает свой язык, как трепещущее пламя», похожа на «плотно

сморщенный белый цветок, когда сворачивает свое тело» [元稹 2016], и извергает ядовитый газ, от которого у людей волосы встают дыбом.

Как ни странно, в русской поэзии картины смертоносности змеи встречаются крайне редко. Змея по умолчанию воспринимается как знак угрозы и смерти, как, например, в «Песне о вещем Олеге», однако эта смертоносность и ядовитость змеи, вызывающая панический страх, не становится у русских поэтов предметом лирической рефлексии. Этот мотив может появляться либо как повод для иных семантических акцентов, либо как один из устойчивых компонентов авторского метатекста, включенный в сложную систему автоинтертекстуальных переключек. Первый вариант мы видим, например, в стихотворении Льва Эллиса «Ангел Хранитель», воссоздающем устойчивую лирическую модель религиозной поэзии, когда недремлющий ангел-хранитель оберегает невинное дитя от всякого грозящего ему зла. Задремавшая на скамейке мать, малютка, тянущийся к «блестящей змейке», напряженное ожидание приближающейся катастрофы («Ближе, все ближе веселые ручки, вот уж остался последний вершок») — и спасительное вмешательство «печального и строгого» Ангела Хранителя, ограждающего дитя белым крылом и изгоняющего змейку, которая «в злобной тревоге медленно прочь ползает свистя».

Другой вариант реализации традиционного для змеиной символики мотива смертоносности, угрозы и ужаса, вызываемого даже самим видом змеи, мы встречаем у Бунина. В названиях целой серии стихотворений Бунина присутствует слово «змея»: «Змея» («Покуда март гудит...»), «Змея» («Зашелестела тонкая трава...»), «Ночная змея», «У шалаша» и др., лирический субъект то представляет себя змеей, то желает уничтожить ее. В.Н. Муромцева-Бунина вспоминала, что Бунин одновременно чувствовал и ужас перед змеями, и притяжение к ним, он мог долго смотреть на змей с какой-то сладострастной мукой, утверждал, что укус змеи — нечто совсем особое, мистически странное, незапамятно древнее (заметим, что змея не является единственным и уникальным объектом, вызывающим у Бунина подобного рода эмоции: таково же, например, восприятие героем его романа «Жизнь Арсеньева» смерти). Наиболее ярко представлен мотив устрашающей змеи в стихотворении «Ночная змея», в котором глаза медленно ползущей змеи «горят, как угли», она «сосредоточила всю силу зла в своем горящем взгляде». Мотив вызывающей страх змеи подкрепляется дополнительными «пугающими» и мрачными обертонными: «сумрачная мгла», «ночной бор», «сморщенные мухоморы», торчащие из ям пни и зловещая тишина, изредка нарушаемая «шуршаньем мхов».

В стихотворении «Покуда март гудит...» змея, сначала спящая «в листе тяжелым, холодным сном», а потом развивающая свои кольца, опьяненная теплотой лучей и медленно ползущая по ковру из пестрых листьев, становится субъектом лирического повествования, спокойно-бесстрастно констатируя и свою прихотливую изменчивую красоту, и свою смертоносность: «Чем жарче день, чем мухи золотистой — Тем ядовитей я». В стихотворении «Змея» («Зашелестела тонкая трава...»), с одной стороны, змея предстает как воплощение «живой жизни», многоцветной жизненной материи, завораживает своей телесностью, фактурностью, яркой физиологической ошутимостью, и лирический герой испытывает необычайное, почти физиологическое наслаждение от желания «расплющить» ее копьевидную головку. С другой стороны, змея одновременно включена в мифологическую систему координат, это «исчадие, проклятое в раю», ее «лик раскосый и зовущий» актуализирует один из ключевых для Бунина мотивов — древности/вечности, маркированный во всем его творчестве словами «древний», «первобытный», «первозданный», «древнейшие», являющимися в авторской аксиологии знаком качественного превосходства. По сути, образ змеи у Бунина становится своего рода контрапунктом основных мотивных линий и семантических тенденций в творчестве поэта — упоение живой жизнью, острое ощущение жизненной материи, замороженность прошлым, древним и непреодолимая тяга к мистически страшным явлениям, непостижимым человеческим разумом.

Таким образом, змея в своей угрожающей, пугающей, коварной и смертоносной ипостаси явлена в китайской поэзии в значительно более широком диапазоне, чем в русской, здесь представлено несколько инвариантных сюжетов: мотив стремительно и пугающе размножающихся змей, гиперболизация физического облика змеи и превращение ее в фантазмагорическое существо, мотив ядовитости и смертоносности змей. В восприятии лирического субъекта змеи вызывают страх и ужас, коррелируют с состояниями тоски, болезни, душевной депрессии. В русской же лирике змея как реальный эмпирический образ ядовитой и пугающей твари представлена довольно редко, значительно чаще русских поэтов тревожит и одновременно влечет страх перед черными «змеиными» человеческими душами.

«И вновь цвету, горю, меняюсь, ряжусь то в медь, то в сталь, то в бирюзу»: змея как символ красоты, искусства и любви

Поскольку символика змеи в высшей степени амбивалентна, она символизирует одновременно ложь, предательство, коварство —

и красоту, как природную, так и человеческую. Змея как символ красоты, как произведение искусства представлена в стихотворении китайского поэта Ли Шена из династии Тан «Умная змея появляется в храме Шаолинь». Поэт описывает замысловатую текстуру на теле змеи, словно из нее сплетены узлы: «Тело змеи изгибается и сворачивается, неторопливо оглядываясь по сторонам. Чешуя змеи плотно прилегает к телу и переливается ярким изумрудно-зеленым светом. Брюхо змеи покрыто золотистым блеском и движется, словно изогнутое кольцо» [李紳 2024]. Змея предстает как произведение искусства несравненной красоты и «шедевр Творца», которым восхищается поэт — ее фактурой, изгибами, сиянием золотой чешуи.

Этот же комплекс мотивов, репрезентирующих красоту змеи — блеск, гладкость, переливы, извивы, — часто встречается и в русской поэзии, будучи, однако, сопряженным с темой смертоносности этой красоты. В стихотворении Заболоцкого «Змеи» описываются завитые между камнями «тела блестящих гадин», «прекрасных тварей гряда», «змеи гладки, как стекло». Такое же единство красоты и смертоносности мы видим в стихотворении Бунина «Покуда март гудит...», когда змея — лирический герой, развивая свои кольца, опьяняясь теплыми лучами весеннего солнца, описывает свою прихотливую изменчивую красоту («И вновь цвету, горю, меняюсь, Ряжусь то в медь, то в сталь, то в бирюзу») и одновременно констатирует прямую зависимость своей ядовитости от степени красоты окружающего мира. В стихотворении Бунина «У шалаша» змея соотнесена с символикой огня, всполохи вечернего костра напоминают «блестящих, убегающих, свистящих золотых и синих змей».

Холодная и причудливая красота змеи как произведение искусства, традиционное для лирического тезауруса уподобление обманчивой причудливой красоты змеи красоте возлюбленной представлены в стихотворении А. Толстого «Змея, что по скалам влечешь свои извивы...», где змея — это образец, по которому художник создает прекрасное: «Помедли, дай списать чешуйный твой узор. Хочу для девы я холодной и красивой Счеканить по тебе причудливый убор», — и в стихотворении Ахмадулиной «Молитва змеи» («Как холодна змея, красива»), где змея воспринимается как совершенный текст («Все крапинки ее курсива так четко распределены»). В стихотворении М. Кузмина «Глаз змеи, змеи извивы...» красота змеи тоже соотнесена с красотой любви. Виртуозное прихотливое сплетенье змей уподобляется страстному слиянию тел: «Глаз змеи, змеи извивы, Пестрых тканей переливы, Небывалость знойных поз...». Все стихотворение пронизывает змеиная метафорика в описании любовного акта как прекрасного произведения искусства.

В стихотворениях Брюсова «Змеи» и «Три змеи, три кольца, окружили меня...» змеиная метафорика также используется в описании завораживающей и губительной любовной страсти («Три змеи, три кольца, окружили меня, И в глаза мне глядят шесть сверканий огня. Давят кольца всё крепче...»), волосы возлюбленной обретают змеиные характеристики: «извилистые змеи кудрей», «скользящие пряди волос», которые сплетает и расплетает лирический герой. Но змеиная образность в любовном поэтическом дискурсе являет и скрытое в женской красоте и очаровании змеиное губительное коварство, когда взору лирического героя, все позабывшего в бреду «взволнованных грез» и поцелуев, предстает мелькнувший из кудрей возлюбленной «змеи раздвоенный язык».

«Жизнь моя, змея моя!»:

змеиная метафорика в поэтическом тексте

Таким образом, очевидно, что в русской и китайской поэзии змея довольно часто выступает как троп, змеиная образность лежит в основе лирической метафорики, когда различные жизненные явления в восприятии лирического субъекта уподобляются змее. В стихотворении Сюй Чжимо «Яд» («Сегодня я песен не пою...») лирический герой ощущает черную тоску от царящего вокруг него разврата, жадности, трусости и мрака, и этот нестерпимый «звериный вой» страшного мира порождает в его самовосприятии мрачную череду змеиных уподоблений: «у моих губ змеится хищная улыбка», «ядовиты мои мысли, потому что таков этот мир», «в моих словах вдруг проглянут язычки двуглавой змеи». Змеиная, подлая, звериная сущность окружающего мира («человечность — под гнетом зверства, свет — под пятой мрака») заставляет героя ощущать эти же процессы в собственной душе («злодейство — в глубине ваших душ»), мир отравлен ядом беззакония и бесчеловечности, и таким же змеиным ядом отравлена темная душа поэта [В поисках звезды заветной. Китайская поэзия первой половины XX в. 1988: 205]. В стихотворении Ли Бо «Отдых весной у озера» («В расщелину я, напевая, захожу...») лирический герой с трудом карабкается в расщелине, пробираясь вдоль ручья, пытаясь найти нужную извилистую дорогу, и сравнивает свою траекторию со змеей: «мой путь стал как змея» [Ли Бо 2023: 51]. Чжу Сян в стихотворении «Прошедшее с трудом отбросил я...» описывает стремление лирического героя всеми силами избавиться от ненавистного гнета своего прошлого, «подло глядящего» на него, подобно змее, и отравляющего своим ядом душу, «вонзаясь в сердце жалом»: «Прошедшее с трудом отбросил я И приказал, чтобы оно лежало В болоте смрадном и не выползало, И не шу-

мело, злобно вопия» [Сорок поэтов. Китайская лирика 20–40-х годов 1978: 187].

Если в стихотворениях китайских поэтов змеиная метафорика носит преимущественно негативный характер, характеризуя «ядовитость» мыслей и чувств лирического героя, то для русских поэтов змеиная образность, как мы уже отмечали, часто используется в любовном поэтическом дискурсе, как, например, в стихотворениях Брюсова «Змеи» и «Три змеи, три кольца окружили меня...», где лирический герой, окруженный и замороженный страстно-смертельными объятьями «трех колец», чувствует, что гибнет под «яростью ласки» жадных поцелуев («Три змеи, три кольца, окружили меня, В теле — смерть, в сердце — ужас, в глазах — блеск огня»), или в стихотворении Мандельштама «Не спрашивай, ты знаешь...», где прихотливая любовная страсть тоже описывается при помощи змеиной метафоры: «Дай руку мне. Что страсти? Танцующие змеи. И таинство их власти — убийственный магнит!».

Значительно более мрачные сферы сущности и бытия лирического субъекта воплощает змеиная образность в лирике Гиппиус и Сологуба. Гиппиус с ее, можно сказать, «змеиной» репутацией, называющая себя «ласковой коброй», в стихотворении «Она» уподобляет змее собственную душу: «Она шершавая, она колючая, Она холодная, она змея», «Своими кольцами она, упорная, Ко мне ласкается, меня душа. И эта мертвая, и эта черная, И эта страшная — моя душа!», клеймя ее, как бы подхватывая мрачно-беспросветный калейдоскоп определений из написанного годом ранее стихотворения «Все кругом» нескончаемым рядом ниспровергающих эпитетов «бессовестная», «жаркая», «шершавая», «холодная», «противно-жгучая», «тяжкая», «вялая», «неповоротлива», «тупа», «тиха», «глуха», «мертвая», «черная», «страшная». Не случайно и непреодолимое влечение к змее «певца смерти» Сологуба, с его отцом-Дьяволом и автомифом о Солнце — Драконе — Огненном Змее. «Змеиный текст» творчества Сологуба довольно обширен, включая и роман «Заклинательница змей», и сборник стихотворений «Змий». Собственная жизнь, уподобляясь змее, обретает многие «змеиные» характеристики: и отравленность сладким ядом вина, и запутанность «тонкими нитями» страшного мира, и замороженность «хладными водами» блаженной смерти, — и реализуется в формулировке, приобретающей статус онтологической основы бытия поэта: «Жизнь моя, змея моя!». В контексте сологубовской «эстетики ужасного» змея предстает как воплощение злой демонической силы, символ несовершенных законов бытия, злой судьбы, предначертанной человеку. Отсюда и одна из эпистемологических характеристик змеи — «многоцветная ложь бытия»: в одноименном стихотворении лири-

ческий герой, отравленный дыханием лжи, неоднократно отождествляет себя с «больной и злой змеей», «отверженный» путь которой, как и бессмысленно-безнадежная судьба человека, проходит по «мглисто-сырым» расселинам «нахмуренных скал»: «Пресмыкаюсь томительно я, Как больная и злая змея».

«Но молча в памяти моей звенит: “Змея! Змея!”».

Легендарно-мифологическая символика змеи

Змея, с присущим ей богатым символическим потенциалом в различных религиозно-мифологических системах, часто предстает в поэтическом дискурсе в легендарно-мифологическом измерении. В китайской поэзии змея часто возникает в качестве компонента древней легенды. В стихотворении Мао Цзэдуна «Башня желтого аиста» («Ширь китайской земли омывает разливом Янцзы...») упоминается знаменитый исторический памятник «Башня желтого аиста», расположенный на берегу реки Янцзы на горном перевале в Шэшань (Змеиная гора), существовавший в период Троецарствия и неоднократно воспетый в поэзии разных эпох: это стихотворение Мао Цзэдуна перекликается со знаменитым одноименным произведением поэта Танской эпохи Цуй Хао, воспроизводящим сюжет старинного предания о спустившемся с небес святом отшельнике на желтом аисте, а величественная легендарная Змеиная гора, защищающая Янцзы, уже более тысячи семисот лет является частью величественной панорамы: «Защищают Янцзы Черепаха-гора и Змея» [Антология китайской поэзии 1957: 8]. Ван Фаньчжи, поэт династии Тан, в стихотворении «От бедных людей не должно никак отвращаться...», призывающем заботиться о бедных людях, «класть снадобья на их язвы» и «не огорчаться, что жемчуг не будет наградой» [Китайская поэзия в переводах Льва Меньшикова 2007: 48], использует аллюзию на легенду из «Записок о поисках духов» Гань Бао, где описывается холм Перерубленная Змея в уезде Суйсянь, возле которого Суйский хоу встретил огромную перебитую посередине змею и повелел приложить к ее ране целебное снадобье. Змея уползла, но через год она вернулась и принесла в своей пасти для хоу чистую белую жемчужину, излучающую ясный лунный свет, и эту жемчужину назвали «Жемчужина Волшебной Змеи». В стихотворении Юань Чжэня «Змея», как мы уже упоминали, воспроизводится древняя легенда об императоре династии Хань, который обезглавил змею своим мечом, вызвав тем самым, после сожжения меча во времена династии Цзинь, стремительное размножение ядовитых питонов. В стихотворении Ли Бо «Трудная дорога в Шу» содержится аллюзия на старинную легенду о том, как император Цин отправил своих воинов в государство Шу, по дороге воины увидели змею

и захотели ее поймать, но змея уползла и скрылась в расщелине скалы, воины стали пытаться выдернуть ее оттуда за хвост, но это оказалось губительным: земля раскололась, горы разверзлись и все воины погибли, а сопровождающие их девушки обратились в камни: «Разверзлись горы, землю колотило, И пятерых китайских воинов убило [Ли Бо 2023: 81]. Змея здесь символизирует нечто злое и трудно искоренимое, первопричину и бедствие, которое может привести к гибели нации.

В отличие от китайской поэзии, в которой легендарно-мифологическая символика змеи всегда привязана к определенной конкретной легенде, связанной с той или иной исторической эпохой и с конкретным человеком — императором, военачальником или древним поэтом, — в русской лирике подобная историческая конкретность утрачивается и змея предстает как компонент авторского мира-мифа. Таков, например, весьма обширный «змеиный текст» Бальмонта, в творчестве которого змея становится синтезом множества излюбленных авторских лейтмотивов. Пристрастие Бальмонта-неоромантика к лирическим моделям заговора, заклятия, его восприятие поэзии как колдовства, «хмельной ворожбы» отражается в стихотворениях «Заговор против змеи», «Слово от змеи», «Слово от змеиного яда», «Змеиная свеча», «Змеиное число», «Змеиный глаз» и др., поэтическая «всеядность» Бальмонта, желание вобрать в себя огромное количество разных культур реализуется в калейдоскопе различных мифологических ипостасей змеи, контаминации различных мифологических парадигм: так, в стихотворении «Голубая змея» «голубая змея с золотой чешуей» предстает как владычица «Мирового Эфира» и соотнесена с образами Вавилона, Египта, Китая, Индии и землями майя, в стихотворении «Женщина-Змея» летающая женщина-змея Цигуакоатль, управляющая мировыми стихиями, возникает в контексте образов и сюжетов индейской теологии («И знали, вот, была Богиня, была здесь Женщина-Змея»), в стихотворении «Змеиное отродье» мотив змеи дается сквозь призму образов мифологии греческой, таким образом, в «змеином тексте» Бальмонта сплетаются разные архетипические смыслы: фольклорная символика огня и тайны, христианские мотивы зла и демонизма, греческая символика познания и божественного озарения. Змея в творчестве Бальмонта становится символом универсальной древности, порой даже не имеющей определенной культурно-исторической соотнесенности, и возникает в контексте особого, авторского мифа: в стихотворении «Ступени» он прозревает «в расщелинах древних ступенчатых слов» «змей забытых заветов

и ков» и называет змею «старинная правда моя», веруя, что она позволит ему обрести «заветный клад» («Проснулась змея и встречен при входе я Змеем»), а в стихотворении «Змея» змея предстает как воплощение древней, таинственной памяти и первооснова жизни, когда в сознании лирического героя звучит вечный рефрен: «Но молча в памяти моей звенит: “Змея! Змея!”». Змея становится одним из элементов поэтического космоса Бальмонта, связываясь множеством интертекстуальных сцеплений с другими произведениями поэта с космогонической символикой и мотивами вселенной и созвездий как звеньев мироздания: в стихотворении «Многосозвенную змею созвездья дружные сковали...» змеиное сплетение предстает как рисунок вселенной, своего рода модель мироздания, в стихотворении «Змеиное число» «восемь лучистых планет» складываются в восьмерку «змеиного извива», ткущего «звездные нити» и опьяняющего душу.

«Змея оправдана звездой...»: змея как символ мудрости, катализатор философской рефлексии, раздумий о смысле жизни и предназначении собственного бытия

Символика мудрости и знания, воплощенная в змее, вполне традиционна, не случайно средневековые китайские поэты неоднократно воспевали змею как олицетворение подлинной мудрости, превосходящей человеческий разум. В стихотворении «Змея» китайского поэта Дин Вэя из династии Сун есть строки, содержащие аллюзию на уже упомянутую нами древнюю легенду и актуализирующие связанный с образом змеи мотив высшего знания и понимания вечных законов бытия: «Змея выходит из своего укрытия с жемчужиной во рту, чтобы отплатить за глубокую услугу. Змеи издревле считались мудрыми» [丁谓 2024]. В стихотворении Ай Цина «Для моллюсков мягкотелых...» апелляция к образу змеи является иллюстрацией довольно прозрачного философского тезиса о том, что открытое, явное зло менее страшно, чем зло молчаливое, ибо от него нет спасения и человек не в состоянии увидеть его, распознать и противостоять ему: «Заслышав волчий вой, берешь дубинку в руки. Змея ползет — Ни шороха, ни звука» [Ай Цин 1989: 115].

В русской поэзии тоже встречаются подобные модели, когда змея предстает как аллегория прозрачной жизненной сентенции, как, например, в стихотворении Л. Мартынова «И вскользь мне бросила змея...», где змея выступает в качестве олицетворения несправедливого жизненного пути, неприемлемого для лирического героя: «Но я-то знал, что так нельзя — Жить извиваясь и скользя». Однако в русской лирике образ змеи порождает огромное количество фило-

софско-мировоззренческих построений, воссоздающих важнейшие экзистенциальные проблемы жизни и смерти, времени и вечности, Бога и человека, добра и зла и онтологического оправдания существования зла в мире. В уже упомянутом нами стихотворении Заболоцкого «Змеи» параллельно с мотивом неразрывного единства красоты и смертоносности звучит мысль о вечной мудрости, заключенной в змее, о загадке и тайне, сокрытой в ней. Спящие змеи, с одной стороны, растворены в безмятежном идиллическом простом природном мире: прохладный лес, цветы, «жаркое, простое» солнце, льющее на них свое тепло, змеи органически встроены в этот мир, устраивая свои гладкие, как стекло, тела между такими же гладкими камнями, словно заполняя пространство недостающим паззлом, как бы завершая создание картины бездумно-прекрасного природного бытия. Но, с другой стороны, «змеи спят, запрятав лица в складках жареного тела. И загадочны, и бледны...», у них закрыто лицо, непостижимое человеческим разумом, и во второй части стихотворения они становятся катализатором философской рефлексии лирического героя, когда временные рамки раздвигаются в вечность, «время в воздухе плывет», спустя годы «человек тела находит, сна тяжелый образец», и по-прежнему спящая вечным сном «прекрасных тварей гряда» вызывает в сознании «мудреца», теперь ощущающего себя в наскучившей природе, как в тюрьме, серию вечных вопросов: «Для чего они? Откуда? Оправдать ли их умом?» — о происхождении, сущности и высшем предназначении всего живого на земле и о возможности/невозможности оправдания бытия любого земного творения, даже смертоносного. В стихотворении Ф. Сологуба «Права змея, когда шипит и жалится...» тоже ставится философская проблема оправдания зла: «Права змея, когда шипит и жалится, — В ней горькое кипение отрав, Но если человек печалится, Поймите, люди, он не прав». Зло и смертоносность змеи воспринимается как нечто естественное, незыблемая основа бытия.

В стихотворении «Змея оправдана звездой...» змея становится камертоном, первым компонентом формулы Цветаевой, стремящейся осмыслить парадоксальную структуру мироздания и оправдать зло как неотъемлемую часть мира, что по сути близко формуле теодицеи Лейбница в его трактате 1710 года «Опыт теодицеи о благодати Бога, свободе человека и происхождении зла», где мир трактуется как совершенное творение Бога, который допускает существование зла ради эстетического разнообразия, не случайно слово «оправдана» звучит уже в первой строчке стихотворения (заметим, что через три дня после этого Цветаева напишет стихотворение «Бог — прав...», и все понятия, воплощающие негативные стороны бытия,

получат своих семантических двойников (змея будет соотнесена с «гадом», низость со «срамом», могильный горб с «мором» и «смадом», чернь с «попраным словом» и др.), однако лишатся позитивных компонентов эстетических оппозиций). В стихотворении «Змея оправдана звездой...» не эксплицируется, но явно подразумевается, что «Бог прав» как высший художник и творец мироздания, создающий мир, в котором образность апокалипсиса совмещена с риторикой веры, а добро и зло едины, что делает жизнь трагичной и прекрасной одновременно.

Еще один пример художественной репрезентации мотива оправдания в контексте «змеиного дискурса» русской поэзии — стихотворение Ахмадулиной «Молитва змеи». Снова, как и у Цветаевой, здесь возникают Бог и змея как основные компоненты авторского мифа, змея погружается в свою «страшную молитву» с «таинственной грустью», с «глазами, полными тоски», не в силах больше выносить свое страшное предназначение: «Знать, душу грешную свою с надеждой богу поверяет, в молитве с нею порывает и просит: “Бог, прости змею!”» Это стихотворение органически встраивается в единый поэтический метатекст Ахмадулиной, являя собой еще одну вариацию ее излюбленного жанра молитвы и соотносясь с грузинской темой ее творчества (см. упоминание о распространенном в Армении и Грузии традиционном женском танце невесты узундара), в котором Грузия — это мир светлой радости и спасительного добра, несущий в себе духовное освобождение, где душа воскресает и обретает свет, не случайно в финале стихотворения набирает силы и достигает кульминации мотив оправдания змеи как аллегории любого существа, погрязшего в грехе и вступившего на путь зла: ей нужно отпустить грехи, не попрекать «смертельным делом», вспомнив, что ее тело все же «обращено к солнцу», и если она «отстоит свою молитву», ей предначертано духовное перерождение, освобождение и обретение внутренней гармонии.

* * *

«В глубине всякой груди есть своя змея» [Сочинения Козьмы Пруткова 1976: 145] — являясь важным компонентом в различных мифологических и художественных системах, сопровождая на протяжении многих столетий всю нашу цивилизацию, змея в поэтических текстах проходит путь эволюции от конкретного эмпирического образа до метафоры человеческой души и универсального символа, воплощающего различные и культурно-исторические явления, и мифологические и фольклорные архетипы, и индивидуально-авторские мифомыры. Безусловно, можно выделить универ-

сальные символические коннотации образа змеи, изоморфные для русской и китайской культуры: змея как символ зла и смертоносности, красоты и искусства, легендарно-мифологической древности, подлинной мудрости и высшего знания, материальный эквивалент человеческой души. Однако налицо и явные различия принципов художественной репрезентации образа змеи в двух разных культурах. В китайской поэзии змея предстает зачастую как конкретный физический объект, актуализирующий значимые для национального менталитета и связанные с древнейшими мифологическими представлениями китайцев качества и смыслы, в русской же поэзии конкретность и реалистичность в изображении змеи утрачивается, а змея становится авторской метафорой, аккумулирующей в себе множество символических значений, как социокультурных и религиозно-мифологических, так и окказиональных индивидуально-авторских. В китайской поэзии в образе змеи сконцентрированы в большей степени универсальные сущностные характеристики, присущие большинству мировых культур, и вряд ли можно говорить об индивидуально-авторской интерпретации данного образа, поскольку большинство поэтов воспроизводят веками сложившиеся в китайской культуре инвариантные модели «змеино-го текста», тогда как в русской поэзии образ змеи становится важным компонентом индивидуально-авторских мифов, встроенным в сложную систему автореминисценций и обретающим статус интертекстуального рефрена, контрапункта основных мотивных линий и семантических тенденций в творчестве поэтов. В китайской поэзии семантика образа змеи в пределах одного текста, как правило, одномерна, в русской поэзии поэтическая семантика змеи амбивалентна, она воплощает одновременно красоту и смертоносность, восхищение «живой жизнью» и мистический ужас, блаженную и губительную любовную страсть, гибель и возрождение. Наконец, если в китайской поэзии традиционные символические смыслы змеи (смертоносность, мудрость, красота, древность) являются в определенной степени аксиоматичными и текст представляет собой поэтическую иллюстрацию той или иной сущностной характеристики змеи, то для русских поэтов эти аксиомы становятся «стартовой площадкой» для мучительного поиска решений «экзистенциальных теорем» о сущности бытия, о предназначении всего живого на земле, о соотношении Бога и человека, времени и вечности и о возможности онтологического оправдания существования зла в «прекрасном и яростном мире».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ай Цин. Слово солнца. Избранные стихотворения: Сборник. Пер. с кит. М., 1989.
2. Антология китайской поэзии в 4 томах, Том 4. Перевод с китайского под общей редакцией Го Мо-жо и Н.Т. Федоренко, М., 1958.
3. В поисках звезды заветной. Китайская поэзия первой половины XX в. М., 1988.
4. Китайская поэзия в переводах Льва Меньшикова. СПб., 2007.
5. Ли Бо. Стихотворения / На рус. и кит. яз. / Пер. с кит. и примеч. Ван Илан, Т. и Э. Мадиванов под ред. К. Эндельгарта. СПб., 2023.
6. Сорок поэтов. Китайская лирика 20-40-х годов. Пер. с кит., статьи об авторах и предисл. Л. Черкасского. М., 1978.
7. 丁谓 Дин Вэй. «蛇» («Змея»). [Электронный ресурс]. URL: <https://shici.com.cn/poetry/0x194825de> (дата обращения: 23.12.2024)
8. 元稹 Юань Чжэнь. «蛇» («Змея»). [Электронный ресурс]. URL: https://www.guwenxue.cc/article_14963.html (дата обращения: 23.12.2024)
9. 吕本中 Лу Бэньчжун. «蛇» («Змея»). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yuanshici.com/shici/fb51491> (дата обращения: 23.12.2024)
10. 李白 Ли Бо. 蜀道难 («Трудная дорога в Шу»). [Электронный ресурс]. URL: <https://guoxue.baikе.so.com/query/view?id=9f69596246419c41e8068c699393c4fb&type=poem> (дата обращения: 23.12.2024)
11. 李绅 Ли Шен. «灵蛇见少林寺» («Умная змея появляется в храме Шаолинь»). [Электронный ресурс]. URL: <https://so.gushiwen.cn/shiwen/8c76459b4557.aspx> (дата обращения: 23.12.2024)

REFERENCES

1. Ai Qing. *Slovo solntsa* [The Word of the Sun]. Moscow, *Raduga*, 1989. 224 p. (In Russ.)
2. *Antologiya kitaiskoi poezii in 4 v.* [Anthology of Chinese poetry in 4 volumes]. Vol 4. Moscow, *Khudozhestvennaya literatura*, 1958. 339 p. (In Russ.)
3. *V poiskakh zvezdy zavetnoi. Kitaiskaya poehziya pervoi poloviny XX v.* [In search of the cherished star. Chinese poetry of the first half of the XX century]. Moscow, *Khudozhestvennaya literatura*, 1988. 350 p. (In Russ.)
4. *Kitaiskaya poehziya v perevodakh L'va Men'shikova* [Chinese poetry translated by Lev Menshikov]. Saint-Petersburg, *Peterburgskoe Vostokovedenie*, 2007. 304 p. (In Russ.)
5. Li Bo. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Saint-Petersburg, *Simpozium*, 2023. 96 p. (In Russ.)
6. *Sorok pohtov. Kitaiskaya lirika 20-40-kh godov* [Forty poets. Chinese lyrics from the 20s and 40s]. Moscow, *Nauka*, 1978. 342 p. (In Russ.)
7. 丁谓. Ding Wei «蛇» [Snake] URL: <https://shici.com.cn/poetry/0x194825de> (accessed: 23.12.2024)
8. 元稹. Yuan Zhen «蛇» [Snake] URL: https://www.guwenxue.cc/article_14963.html (accessed:23.12.2024)
9. 吕本中. Lou Benzong «蛇» [Snake] URL: <https://www.yuanshici.com/shici/fb51491> (accessed: 23.12.2024)
10. 李白. Li Bai. 蜀道难 [Shu Dao is difficult] URL: <https://guoxue.baikе.so.com/query/view?id=9f69596246419c41e8068c699393c4fb&type=poem> (accessed:23.12.2024)

11. 李绅. Li Shen. «灵蛇见少林寺» [An intelligent snake appears in the Shaolin Temple]
URL: https://so.gushiwen.cn/shiwenv_8c76459b4557.aspx (accessed:23.12.2024)

Поступила в редакцию 09.02.2025

Принята к публикации 18.02.2026

Отредактирована 20.03.2026

Received 09.02.2025

Accepted 18.02.2026

Revised 20.03.2026

ОБ АВТОРЕ

Елена Михайловна Болдырева — доктор филологических наук, профессор
Института иностранных языков Юго-Западного университета КНР;
e71mih@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elena M. Boldyreva — Prof. Dr., Institute of Foreign Languages, Southwest University, China; e71mih@mail.ru